

Эгалитарность башкирского общества XVII–XVIII вв.

Б. А. Азнабаев

*Башкирский государственный университет
Россия, г. Уфа, 450076, улица Заки Валиди, 32.*

Email: azbulattt@rambler.ru

Исследование письменных и фольклорных источников, раскрывающих специфику социальных отношений в башкирском обществе XVII–XVIII вв., свидетельствует об отсутствии выраженной иерархии между родоплеменными структурами. В политическом отношении башкирское общество представляло собой акефальную полицию, обладавшей преимуществом в сравнении с государственными структурами в вопросах военной мобилизации, контроля территории и социальной сплоченности. Эти факторы обусловили длительный и сложный характер интеграции башкир в административную структуру Российского государства.

Ключевые слова: полиция, башкирское общество, йыйыны, эгалитарность, интеграция.

Историческая судьба могущественных некогда сибирских родов (сальютов, джилаиров, меркитов, табынов) и прежних властителей края ногаев, оставшихся в Башкирии, свидетельствует о том, что башкирскому обществу был свойственен эгалитарный тип социальных отношений. Неприятие башкирами иерархических структур обнаруживается даже в генеалогических легендах, которые отражали установление зависимости от ханской власти. Башкирский вариант «Дафтар-и Чингизнаме» фиксирует отношения между башкирскими родами, принесшими клятву верности Чингисхану, как абсолютно равные [1].

Является ли стремление к сохранению эгалитарной акефальной структуры признаком социально-политической незрелости общества? Положительный ответ может быть дан только в том случае, если мы признаем однолинейность в качестве единственной модели эволюции общества. Как, например, М. Фрид, который в своей «Эволюции политического общества» избирает фактор растущего неравенства среди людей и, таким образом, выделяет четыре уровня сложности: 1) эгалитарное общество, 2) ранжированное общество, 3) стратифицированное общество и 4) государство [2]. В конце XX столетия исследователи негосударственных социумов обратили внимание на то, что, наряду с развитием жестких надобщинных политических структур (вождество – сложное вождество – государство), всегда существует альтернатива в виде развития структур внутриобщинных вместе с эволюцией мягких межобщинных систем, не отчуждающих общинного суверенитета (разнообразные конфедерации, амфикинии и т.д.). Одним из наиболее впечатляющих результатов развития в этом эволюционном направлении являются греческие полисы [3]. Свое-

образная коммутативная структура получила развитие в предисламской Аравии. Авторы исследования «Возникновение ислама» установили, что большинство социально-политических систем Северной и Центральной Аравии вполне адекватно отреагировало на кризис VI в. отторжением надплеменных политических структур (т. е. большинства аравийских «царей», политических лидеров вождей и агентов их власти), поскольку те начали представлять реальную угрозу для элементарного выживания рядовых членов аравийских племен[4]. Однако арабы не просто разрушили большинство из этих жестких надобщинных политических структур, отчуждавших племенной суверенитет; они также выработали альтернативные «мягкие» структуры надплеменной культурно-политической интеграции, не представлявшие угрозы племенному суверенитету.

А. В. Коротаев на основании концепции Р. Адамса, создавшего энергетическую теорию власти, убедительно доказал, что безгосударственные общества в определенных условиях способны контролировать большие потоки энергии, нежели централизованные государства[5]. Объяснение этого парадокса состоит в эффективности использования ресурсов, поскольку в безгосударственных полициях доля политического участия в контроле за ресурсами несравненно выше, нежели в доиндустриальных империях. Кроме того, таким полициям свойственен более жесткий контроль за эффективностью использования аккумулированных ресурсов. Всаднические социумы, находившиеся в состоянии постоянной военной готовности, могли контролировать огромные территории, не прибегая к созданию отделенного от общества централизованного органа управления. К примеру, в 1675 г. начался спор между двумя тарханами Курпес-Табынской волости Бокой Чермышевым и Коскильдой Акыровыми. В списке князей, тарханов и дуванов 1681 г. было отмечено, что на реке Ик «живут» только два этих тархана с детьми [6]. Тем не менее, они не смогли поделить между собой обширнейшую территорию, представлявшую собой степь с многочисленными реками и озерами от левобережья Волги в районе Самарской луки до реки Яик вместе с соляными озерами в районе реки Илек. Площадь владений двух тарханов была сопоставима с территориями таких стран, как Румыния или Белоруссия.

В этой связи представляется весьма дискуссионной апелляция Н. Н. Крадина к теории Ш. Л. Монтескье относительно корреляционной связи между формой политики и величиной занимаемой ей территории: «Для маленьких обществ характерна республика, для средних – монархия, для больших – деспотия» [7]. Однако территория и население Башкирии трудно квалифицировать как «маленькое» общество. По расчетам Р. Г. Кузеева, в середине XVI в. башкир и ногайцев, кочевавших в Башкирии, насчитывалось около 200 тысяч душ обоего пола [8]. Площадь территории, на которой они проживали, составляла около 366.8 тысяч квадратных километров [9]. Очевидно, что возможности контроля за ресурсами определялись не только количественными (величина террито-

рии), но и качественными свойствами конкретного социума (всаднический, воинственный).

Тем не менее, с другим фактором, определенным Н. Н. Крадиным в качестве необходимого элемента возникновения неиерархизированных акефальных сообществ – наличие естественной защиты от соседей, – следует целиком согласиться [10]. Следует отметить, что, как правило, подобные общества не являются политически изолированными. Безгосударственные полукочевые и кочевые общества Евразийского ареала являлись частью несравненно более сложной общности, с многочисленными экономическими политическими и культурными связями и общими политико-культурными нормами. Это позволяло акефальной политике переадресовывать внешнему имперскому центру часть управленческих функций, которому кочевые социумы подчинялись формально. Как правило, подобные вопросы не могли быть урегулированы внутри самой акефальной политики без ущерба для единства социума. Внутренний мир в башкирском обществе в значительной степени поддерживался благодаря передаче российской администрации таких проблемных вопросов как урегулирование земельных споров между башкирскими родами, наказание неисправимых преступников, запрещение тусначества и т.д. Дело в том, что традиционное разрешение этих проблем внутри башкирского общества сводилось к санкционированию родовой мести (карымта), ответного набега на нарушителя вотчинных прав с захватом имущества обидчика (барымта) и т.д. Эти древние формы восстановления справедливости на практике приводили к бесконечным конфликтам внутри общества и не способствовали укреплению политического единства. Исследователи, настаивающие на том, что перечисленные полномочия российских властей были закреплены за ними по их же инициативе, не обратили внимание на противоположную тенденцию в общероссийском законодательстве. В эти же годы российская власть передает татинные и убийственные дела губным старостам, избираемыми уездными людьми на местах. В такой же мере, как арабийские племена VI–VII вв, башкирские общины XVI–XVII вв. представляли собой части единой децентрализованной коммуникативной сети. Еще до вхождения в состав Российского государства все башкирские роды в социальном отношении были противопоставлены ногаям в качестве данников. Несмотря на то, что каждый род самостоятельно решал вопрос о добровольном вхождении в состав Российского государства, в XVII в. в Москву направлялись представители от всех башкир. Н. Ф. Демидова в своей статье, посвященной истории башкирских посольств в Москву, отметила, что делегации башкирских представителей в Москве в XVII в. преследовали цель конкретизации отдельных положений из привилегий, установленных в XVI в. [11]. Однако, в отличие от арабийских племен, башкирские роды объединялись не столько для решения юридических, религиозных и культурных вопросов, сколько для урегулирования территориальных и внешнеполитических вопросов. Все башкирские родовые структуры представляли собой часть военной организации, формировавшейся на основе пле-

менных ополчений. Когда в 1649 г. отряд калмыков Чокулы вторгся на территорию Уфимского уезда, то в его разгроме участвовало башкирское войско, в котором были представлены племенные ополчения 11 волостей [12].

Какая надплеменная структура выполняла интегративную функцию в башкирском обществе, кто регулировал применение военной силы в башкирском обществе? Документы, отображающие историю многочисленных башкирских восстаний, свидетельствуют о том, что такой властью обладали только йыйыны – народные съезды. При этом они созывались не только во время восстаний и войн. Общешкирские йыйыны собирались в тех случаях, когда необходимо было принимать решения, затрагивающие интересы всех башкир. Так было, например, в 1721 г., когда башкиры решали вопрос о возобновлении российского подданства [13]. Йыйын являлся наиболее древним башкирским праздником,¹ т.е. обладал сакральным значением. А. Н. Усманов утверждает, что на йыйыны съезжалась, главным образом, кочевая знать: бии, тарханы, батыры и духовенство, которые решали вопросы, исходя, прежде всего, из собственных интересов [14]. Характер народного празднества не позволяет видеть в башкирских йыйынах только собрания знати, своего рода консилиумы феодалов. Эти многолюдные собрания выполняли свою главную функцию – поддержание социальных и политических связей между родовыми структурами башкир. Йыйыны представляли собой традиционный институт, консолидирующий политическое единство башкирского народа. В 1724 г. В. Н. Татищев, предлагая правительству меры по предотвращению башкирских восстаний, полагал, что начинать процесс по обузданию башкир следует с ликвидации съездов [15].

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ 12–01–00123

Литература

1. Азнабаев Б. А. Апология племенной знати в «Дефтер-и-Чингизнаме» //Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». 17 марта 2009 г. Казань, 2009. Вып. 1. С. 154–161.
2. Классен Хенри Дж. М. Эволюционизм в развитии// История и современность. 2005. №2. С. 3–22.
3. Альтернативные пути к цивилизации. Под ред. Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынши. М., Логос, 2000. С. 34.
4. Коротаев А. В., Клименко В. В., Пруссаков Д. Б. Возникновение ислама: социально-экологический и политико-антропологический контекст. М., Цивилизационное измерение, 2007. С. 27.

¹ Руденко С.И. Башкиры: Опыт этнологической монографии. Быт башкир. Л., 1925. Ч.2. С. 177.

5. Коротаяев А. В. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М., Восточная литература, 2003. С. 64.
6. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 1173. Оп. 1. Д. 381. Л. 3.
7. Крадин Н. Н. Политическая антропология. М., Логос, 2004. С. 170.
8. Кузеев Р. Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, Башкирское книжное издательство, 1978. С. 112.
9. Рахматуллин У. Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв: Вопросы формирования небашкирского населения. М., Наука, 1988. С. 67.
10. Крадин Н. Н. Политическая антропология...С. 172.
11. Демидова Н. Ф. Башкирские посольства в Москву в XVII в.//От древней Руси к России Нового времени. М., Наука, 2003. С. 180.
12. РГАДА. Ф. 116. Оп.2. Д. 1649. Л.2.
13. РГАДА. Ф. 248. Оп.3. Д. 115. Л. 172.
14. Усманов А. Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, Башкирское книжное издательство, 1982. С. 29.
15. Материалы по истории Башкирской АССР. М.-Л., АН СССР, 1949. Т. III. С. 483.

Статья рекомендована к печати кафедрой истории Башкортостана, этнологии и археологии БашГУ
(канд.истор. наук, доцент Н. М. Калмантаев)

The egalitarianism of the Bashkir society of the XVII–XVIII centuries

B. A. Aznabaev

Bashkir State University

32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Russia.

Email: azbulattt@rambler.ru

The study of folklore and written sources that reveal the specifics of social relations in the Bashkir society of the XVII–XVIII centuries, testifies to the absence of pronounced hierarchy among the tribal structures. In political terms the Bashkir society was acephalous polity, possessing the advantage in comparison with government agencies in matters of military mobilization, control of territory and social cohesion. These factors resulted in a long and complex integration of Bashkirs in the administrative structure of the Russian state.

Keywords: political, society, Bashkir, meetings, Egalite, integration.